

● НА ТЕМЫ МОРАЛИ

ДОН БАЗИЛИО В ЮБКЕ

Она протягивает мне тонкую кисть и, трогательно прищепывая, говорит: «Посмотрите на эту руку, руку пианистки, она жестоко искалечена соседкой — сломана». Звучит проникновенно, и хочется верить, но тут же вспоминается отрывок из ее письма. Быстро нахожу глазами нужное место, читаю: «Из моего алого ротика с космической скоростью начинают вылетать мысли одна фантастичнее другой».

К тому же у меня в столе лежит официальный документ из обкома профсоюза работников культуры, где черным по белому написано: «Случай произошел при вашем возвращении с концерта в школе № 11 в 14 часов дня у магазина «Полуфабрикаты» на улице Фрунзе, дом 65, а поэтому связать его с производством нет оснований». Второй случай, когда тоже была сломана рука, как утверждает все тот же документ, «произошел по дороге на концерт в школу № 14 и не может быть связан с производством». В филармонии, где моя собеседница работает аккомпаниатором, не сочли переломы, полученные в период побочных работ, производственными

травмами. Тогда родился фантастический вариант: руки в обоих случаях сломала соседка.

И было бы полбеды, утверждай «пострадавшая» это только в стенах редакции. Она успела разослать письма о невероятной жестокости к ней — слабой женщине, артистке, зарабатывающей себе кусок хлеба именно этими нежными руками, — в несколько инстанций и, самое главное, на работу соседки. А та потом в ужасе металась по городу — искала доказательств своей невиновности. И спас ее от беды неминуемой — считается в коллективе бандиткой кухонного масштаба — все тот же документ из обкома профсоюза.

Итак, протянута многострадальная тонкая кисть. Спокойно объясняю: не надо предостережений, я знаю правду.

Номер не прошел. Посетительница тут же перестраивается. Из ее алого ротика вырывается новый фантастический вариант обвинений в адрес соседки: учит своего сына, первоклассника. Алешу, говорит при встрече гадости, делать неприятности, а между тем она совсем бесплатно азялась

учить негодного мальчишку музыке.

Были уроки музыки. Но и была трагедия, последовавшая за ними: Алеша остался без отца. А служительницу муз тем временем вместе с чужим мужем, как пишет она сама, «уводили от печальной действительности «Ave Maria» Шуберта в моем исполнении и «Коробейники» — в его». «...Мы сроднились и стали союзниками против общего врага» (по-ясняю: бывшей жены).

Начались суды — развод, раздел, из-под пальчиков пианистки лились нежные звуки музыки, а непрерывные потоки кляуз на соседку, на ее восьмилетнего малыша.

Соседка металась по инстанциям, собирая доказательства своей невиновности. А вариации об ее «злодеяниях» в исполнении музыкальной дамы звучали все энергичнее. Она заносила их на лист, правда, не нотный, но разыгрывала, как по нотам: это — в милицию, это — в прокуратуру, это — в учреждение, где знают соседку или работают ее родственники. С листов легко читался такой, например, мотив: соседка взломала дверь, проник-

ла в квартиру и избивала ее. Или: сломала замок, проникла в квартиру, и хозяйке едва-едва удалось укрыться за баррикадой из вещей.

В ту нашу встречу удалось, как мне показалось, убедить посетительницу прекратить измышления. Но затишье было временным.

В отделе внутренних дел Ленинского района есть «Дело К.» — многострадальной соседки. На этот раз тонкие музыкальные пальчики вывели все из той же темы взлома дверей гнуснейшее измышление: взломала дверь и украла с вешалки два соболя. Пока затравленная (кстати, соседка не по квартире, а лишь по подъезду) снова ищет выход из положения, «дело» идет своим чередом. В ее квартиру вечером приходит участковый инспектор, при ребенке, не очень выбирая выражения, он сообщает, что на гражданку К. пало подозрение в краже соболей. При сыне гражданка, совсем пришибленная клеветой, объясняет: не помала она двери, не воровала соболей. Но на этом мучения не кончаются. Ее вызывают в милицию: раз есть заявление, надо разобраться. А она уже просто молчит —

силы ее иссякли. Именно этого и хотела добиться клеветница: пока суд да дело, ненавистная выпьет чашу горечи и унижения до дна.

Алый ротик, «Ave Maria», тихий голосок, модная шляпка и повадки матерой, страшной в своей беспощадности сутяги, клеветницы. И все это соединилось в одном человеке. Пора назвать имя: Элла Ашеронова Геккер, аккомпаниатор Свердловской государственной филармонии.

Соседка К. — лишь малый, незначительный для нее этап на длинном пути постоянной, расчетливой травли людей. До приезда в Свердловск Геккер жила и работала в Челябинске. В областном суде этого уральского города нам удалось найти ее «следы», начиная с 1955 года. С тех пор непрерывно, больше двадцати лет, она постоянно с кем-то судится, чаще всего из-за вещей, из-за денег. С домоуправления пытается взыскать 208 рублей 31 копейку. В иске народный суд отказал, областной это его решение оставил в силе. Пытается через суд получить с Челябинского театра оперы и балета 400 рублей. Иск признан необоснованным. Геккер действу-

ет где судом, где угрозами вроде этой: «Не дай бог, Оля, если я обнаружу пропажу хоть одного коробка спичек или вазочки. Ты знаешь мою силу в Челябинске!» Ее судебные дела хранят немало подобных писем к разным адресатам.

Свердловск мало что изменил в клеветнической и сутяжнической практике Геккер, разве что названия народных судов... Она разбивает еще одну семью, на 19 дней, по утверждению самой Геккер, становится женой скрипача симфонического оркестра филармонии (это вам уже не «Коробейники»). А потом почти три года в судах ведет финансовую войну с ним. Попутно Геккер строчит письма директору филармонии, секретарю райкома партии, судье... В них она щедро поливает грязью кратковременного супруга.

Одновременно она успевает виртуозно расправиться с другой соседкой, категорически отказавшейся от участия в ее интригах. Незамедлительно в почтенную контору, где много лет трудилась Софья Михайловна и где ее знали как настоящую труженицу, порядочного человека и хорошую мать, полетело письмо: она-де яхшается с мужчинами и пьет с ними, а потом берет бюллетени, тайно подбавливает печатанием на машинке и так далее. Прочитав письмо один руководитель, другой, и поставили под сомнение доброе имя сотрудицы, начертав на уголке кляузы резолюцию: разобрать-

ся, дать ответ. Пока разбирались — по конторе ползли слухи: «Наша Софья Михайловна, смотрите-ка, что выделывает...». И не нашлось твердой руки, которая бы уверенно разорвала грязную бумажку и выбросила в корзину, а клеветнице написала в ответ: не верим! Обиделась Софья Михайловна на своих коллег, ушла с работы. Геккер снова без ошибки сыграла давно разуученный пассаж, и публика приняла его так, как было рассчитано.

Геккер недалеко до пенсии, а потому она успела накопить достаточный жизненный опыт. Именно он дал ей возможность твердо усвоить: люди в массе своей обходят клеветников, сутяг стороной — лишь бы не связываться. Она не первооткрыватель на этом поприще. Всем хорошо знаком патентованный клеветник дон Базилио из оперы «Севильский цирюльник». Смысл его программы действий четко изложен в знаменитой арии о клевете: «Тот же, кто был цель гоненья, Претерпев все униженья, Погибает в общем мненье, Пораженный клеветой».

Он так и утверждает: «Моя система безупречна!» Элле Ашеронове, что пишет слово Музыка с большой буквы (и не иначе), надо полагать, хорошо известна не только эта ария, но и дальнейшая судьба дона Базилио: сколько ни плел интригу, она провалилась, клеветник был пострелен.

Г. БРУСКИНА.